

Л. Ю. Фёдорова

НОВЕЛЛЫ-ЗАРИСОВКИ

Темнота

3

а окошком темно, туман, но ещё далеко до ночи. Печь почти прогорела, и только изредка слышно, как в её утробе что-то пощёлкивает, посвистывает и шипит. Время от времени рушится очередная льдина, занесённая с улицы. Кусочки её, легко ухая, с всплеском падают в воду. Они, переворачиваясь, извлекают из стенок большого цинкового бака для воды скрежещущий звук.

Опять что-то не заладилось на ТЭЦ. Лампочка под потолком, одетая в зелёный выцветший абажур с длинными кистями, мигнула, раз другой и погасла. Становится совершенно темно, неудобно, страшно. Тихое говорившее до этого радио тоже замолчало. Темь и тишина пугают и давят.

– Деда, деда, – зову я.

Дед сонно ворочается на кровати под серым шерстяным одеялом, что-то бурчит, не разберёшь, всхрапывает.

– Шашки наголо! – и погружается вновь в хмельной сон. А там – далёкие двадцатые, конница поднимается в атаку и несётся по Крымскому полуострову.

Большие резные листья и длинные, толстые, воздушные корни большого филодендрона, стоящего у круглого стола, обретают очертания таинственных чудовищ. меховые тапочки, подшитые мягкой оленьей кожей, при движении издают шипящий звук. Скидываю их и босыми ногами почти бегом из горницы. Она теперь кажется чужой и враждебной. Спешу в крошечную спальню, скорее на кровать, ближе к теплому боку печи, округлому старому комоду, где стоит бронзовый подсвечник для таких вот случаев. Рядом лежит коробок. Осторожно зажигаю спичку и подношу к огарку свечи. Фитиль занимается. Из темноты проступают очертания бабушкиной кровати с большими блестящими шарами на спинках, свет отражается в зеркале, на отливающих перламутром слониках и китайском болванчике. В комнатке сразу становится уютнее и теплее.

Что-то бормочет, переворачиваясь на другой бок, дед. В горнице темно, стараюсь не смотреть туда. Вот бы встал деда, да зажёл керосиновую лампу. Но я знаю, он ещё долго будет тяжело храпеть, вскрикивать, ворочаться, прежде чем с трудом сядет на кровати, шаря рукой по табурету, отыскивая очки с толстыми линзами. О стенки стакана будет дробно постукивать горлышко бутылки. И только потом поднимется, снимет стекло с лампы. Весело пламя запылает на фитиле, а комната станет родной и уютной. Дед подбросит в печь поленьев и приоткроет дверцу. Языки пламени заиграют на большой белой двери, на шторах, висящих на окне, выходящем в большие тёмные сенцы, отразятся на растрескавшейся чёрной коже старого дивана, подсветят большую шкуру белого медведя, висящую над ним.

Открываю ящик комода и достаю круглую коробку, в недрах которой на деревянной подставке с надписью «Дорогой доченьке от папы» лежит большой стеклянный шар. За стеклом живет зима с белым снегом. Стоит только чуток встревожить покой этого зимнего мира, и в голубом пространстве закружится снег, падая на маленький домик, деревце без листьев, пень, в который воткнул маленький топорик, наколотые дрова. Белые и прозрач-

но голубые даже дерево и поленья. И только маленькое окошко в доме яркое желтое, как солнышко.

Шар, согретый маленькими ладошками, осторожно перекочевывает из картонки на край комода. Свеча отбрасывает блики на его поверхность, и, кажется, лунная дорожка пробежала по заснеженному двору.

В руках Катька – большая тряпичная кукла с фарфоровым лицом и свалывшимся комом волос из пакли, завязанным большим синим бантом. Мы сидим с ней в обнимку и смотрим в шар, где рождается сказка.

Приехав поздно ночью, бабушка расталкивает меня, уговаривая раздеться и лечь по-человечески в кровать. В руках оказывается большая кружка теплого топленого молока с толстой коричневой пенкой и что-нибудь вкусное, купленное для меня в буфете. Пока я пальцами вылавливаю пенку, отправляя её первой в рот, бабушка ворчливо, но очень тихо что-то выговаривает деду. В горнице уже горит керосиновая лампа, пахнет разогретыми щами, бабушкиными духами, каким-то лекарством, а главное теплом и уютом... Вот и отступили, ушли далеко страхи, ещё недавно жившие в доме.

Синяя Борода

Весёлое время – лето на даче. Только солнышко поднялось повыше, ватага ребятишек повторяет старые, придумывает новые забавы. Как опытные исследователи, собрав с собой перекусить, кто что может, собираются они в дорогу. Только скрылись из виду крыши дач, вот уже и дремучая тайга, где ожидают тайны и открытия, бродят дикие звери и подстерегают опасности. И не беда, что волком окажется соседский Волчок, а росомхой собственная кошка, которая не удержалась и следом пошла промышлять в лес.

А нынче утро не задалось. Страшно и тревожно. Из озера вытащили утопленницу. Детей близко не подпускали, но всё равно краем глаза, издалека, они видели, как поднимали разбухшее синее тело в одних трусиках.

Жутко. Старшие девочки перешёптываются, нам, малышам, тоже хочется всё знать. Подглядываем, подсматриваем, приближаемся к ним.

– Это Синяя Борода утащил её в воду, он всех женщин и девочек убивает, – говорит Ира.

Любопытство пересиливает страх.

– А? Что? Как?

– Да вам, сямкам, нельзя про такое знать, а уж Синюю Бороду видеть тем более!

– Ну, Ира, ну, Люда...

К вечеру старшие собрали в кучку малышей, что шли играть в лапту, и шёпотом сообщают:

– А хотите на Синюю Бороду посмотреть?

Страшно, но ещё больше любопытно. И вот пятеро самых отважных, уже в потёмках, отправляются со старшими девочками смотреть на Синюю Бороду.

А он, оказывается, живёт тут же в дачном поселке, на чердаке ледника магазина, здания старого и неприветливого даже с виду... На старом плоском леднике, скатанном из больших толстых лиственничных брёвен, давно почерневших от времени, чердак односкатной крыши смотрится огромной разинутой пастью. В сумерках он кажется таинственным и страшным.

Напротив магазина стоит деревянная будка без стекол с телефоном-автоматом, который работает время от времени, но чаще молчит... Будка большая, вместительная. Сна-

НОВЕЛЛЫ-ЗАРИСОВКИ

ружи и внутри она выкрашена тёмно-зелёной краской, шелушащейся на фанерной поверхности. Чуть задень её – осыпается и шуршит.

Впятером, тесно прижавшись друг к другу, стоим в будке. Старшие сказали, что надо стоять не шевелясь и тогда можно увидеть и услышать Синюю Бороду. Ждём. На дворе август. Темнеет быстро, и только закатная полоска за озером, за ледником, ещё светлеет.

Слышно, как родители уже ищут нас, зовут домой... Выйти из будки боязно. Стоим, не решаясь даже шептать, только потные холодные ладошки отыскивают друг друга и крепко сжимаются...

Вдруг что-то зашевелилось в пасти чердака, заухало, захохотало, загрохотало. Темно, но видно размытое движущееся синее пятно. Цепенеем от ужаса, голосов родителей уже не слышно. Только липкий страх...

Выскочить из будки не хватает смелости. Сжались в один дрожащий комок. Кто-то начал всхлипывать, почти беззвучно, чтобы не услышал Синяя Борода. Слезинки катятся по щекам трех девчонок и двух мальчишек.

– Ааааа... Это Люськино платье!

И верно, в пасти чердака мелькает знакомое светлое платье Люськи. Ватага зарёванных малышей выскакивает из будки и уже с победным криком несётся к леднику:

– Люська, Ирка выходите.

Страх отпустил, ушел, испарился. Осталось зло, зло на старших за то, что заставили нас его испытать... Они спускаются с чердака, а мы ватагой идём домой, тихо переговариваясь – готовим ответную пакость.

Секрет булыжника

Кто первый придумал расколоть булыжник, теперь вспомнить очень сложно. Но он был расколот, большой булыжник из кучи, которую привезли для ремонта дороги. Обычный серый окатыш, какие встречаются и на реке и лежат в мостовых, сделанных из напиленных деревянных чурбачков. Ими, смешанными с мелким гравием, заделывают пространство между чурбачками.

Лето, жарко. У поленницы в чурбак для колки дров воткнул топор и лежит большой колун. Вот им-то и был расколот первый булыжник. Случилось чудо, радость познания и открытия. Серый обычный булыжник сверкает в расколе, переливается. Ещё один и ещё. Как много и все разные. Мы первооткрыватели, мы... мы!

В квартиры начинают перекочёвывать груды камней. Ими заполняются детские сокровищницы, укромные места, ящики. Их прячут в сарае, в подполе, в будке старой лохматой пальмы.

Мы, как челноки, снуём на улицу к куче булыжников и обратно во двор к заветному колуну, открывающему нам волшебный мир обычных булыжников.

Спасатели

Начало лета. Река Лена отступила после весеннего половодья, оставив на Зеленом лугу редко разбросанные большие льдины, не уплывшие в океан, и множество мелких озёр, луж и лужиц. На заливных участках начинается посадка картофеля.

Уже с самого утра с нетерпением жду, когда бабушка, собрав всё необходимое, позовет с собой. Тепло, но ещё не жарко. Жарко будет ближе к полудню, когда мы уже будем на Стрелке. Стрелка – любимое место отдыха горожан в летнее время. Песчаная коса,

плавно переходящая в низкую пойму Лены, называемую Зелёный луг и Пригород, ежегодно затопляемые или подтопляемые рекой. Здесь же ежегодно раскидывают свой табор цыгане, снимаясь только во время паводка, да в самые холодные месяцы года. А ещё горожанам ежегодно на стрелке нарезают участки под картофель.

А пока идём от лужи к луже. В каждой плещется рыба. Собираем её руками и складываем в ведро с водой. Не успела уйти с водой рыба мелочь. Тут тебе и ерши, серозелёные, колючие, их лучше не ловить, сразу их оперенье оказывается в подушечках пальцев и в ладонках, и нежная яркая сорога, и ельцы, и мелкие щурята, и тугуны. Попадают даже не очень большие, но шустрые щучки.

– Гляди, Лёська, шилка, – дед улыбается в усы и бережно берёт молодую стерлядку и тоже укладывает в ведро. – Ах ты, проказница, ты-то как на отмелях оказалась?

Нет, это не ловля рыбы, чем сейчас промышляют и дети, и взрослые из цыганского табора – это мы спасаем рыбёшку.

Доходим до Стрелки и выпускаем рыбу.

– Лёська, гляди сюда, вот стерва зелёная, даже в ведре ухватила – и дед вытаскивает небольшую щучку. Она ещё не проглотила сорожку, хвост которой торчит из зубастой пасти.

– Ну, что? Будем эту отпускать или уху сварим?

Мне жалко сорожку, но ведь мы не цыгане и спасаем рыбу, поэтому щучку надо отпустить. А на уху можно потом наловить из Лены, на удочку.

– Отпускай и её, деда.

И я смотрю, как щучка, так и не выпустив из пасти сорожку, ушла вглубь и исчезла.

Некоторые рыбёшки плавают боком на поверхности, слабо шевелясь.

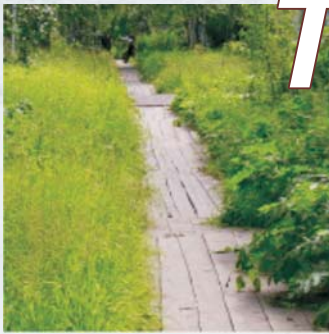
– Не тронь их, они просто почти уснули, это ты пожадничала, много рыбы в ведро напустила, ниче, счас отойдут.

И, правда, постепенно, одна за другой, рыбёшки скрываются под водой.

Хорошо, радостно, мы с дедой спасли рыбёшек. Потом мы будем ловить рыбу на уху, но то из реки, на то она там и плавает, а эта погибла бы в быстро подсыхающих лужах.

– Ну, все Лёська, давай садить картоху, а то Мадам, – так дед зовет бабушку, – опять ворчать будет...

Тротуары

Тротуары у нас из больших плах, настеленных на короткие брёвна. Они вышарканы ногами за десятилетия, отмыты и выбелены снегами и дождями. Сразу из-под досок и до самых домов заросли травой. Тут лебеда такая высоченная, что можно в ней спрятаться с головой. Здесь растёт солончаковая травка, мелкая и пузатая, как маленькие рожки оленя. И везде, везде вика. Красивая, пока не выколосится, переливающаяся, шелковистая и колючая, цепляющаяся за шаровары, когда пришла её пора высыпать семена. Да ещё собачки, которые цепляются, прочно присаживаясь на всё.

Мы любим тротуары. Где ещё найдёшь столько дождевых червей? Только копни в сырых тенистых местах, и на поверхности оказываются жирные красно-коричневые змейки. А ещё иногда можно найти самую настоящую маленькую ящерицу. Тритон – редкость, но попадает в местах, где образовались небольшие болотистые низинки. Можно встретить и лягушку, перебравшуюся из ближайшего небольшого озера. А всевозможные гусеницы, которых так много в густой траве, а порхающие бабочки и планирующие стрекозы...

НОВЕЛЛЫ-ЗАРИСОВКИ

Но главное, тротуары – источник самой увлекательной забавы. Берём пятак, начищаем его кирпичом до блеска. Он начинает сверкать и кажется не медным, а золотым. С одной стороны приклеиваем к нему длинную нитку, пропускаем её по траве за забор. А монету кладем около больших щелей тротуара. Вся ватага замирает за забором и ждет...

Вот идет дядька, видит пятак, наклоняется – а монетка вдруг шмыгает в щель.

Из-за забора слышится улюлюканье и смех, с улицы летит отборный мат и угроза надрать уши...

Пятак возвращается на место, и опять мы замираем в ожидании...

Идет старуха из соседнего дома, она подслеповата, стучит палкой, проходит мимо, и сколько мы ни двигаем монету, она её не замечает...

По мостовой, тархатя, едет телега с большими деревянными колесами. Это золотарь, старый китаец, который сидит на бочке с прикрепленным к ней большим черпаком. В телегу впряжена маленькая лохматая бурая лошадка. Хотя бочка и прикрыта деревянной крышкой, вонь сразу долетает через забор. У ворот лошадка останавливается. Китаец спускается и стучит в ворота...

– Уборная чистять, чистять уборная.

Мы выбегаем за ворота. Можно подойти к лошади и покормить её травой, собранной тут же у тротуара. Выбираем самую мягкую, самую зелёную, и – наперегонки. Маленькая лошадка шевелит теплыми и влажными губами, осторожно берёт траву из наших рук. Лошадь можно погладить, потрогать нос и уши.

Если хозяева договорились о чистке, то ворота открываются, и золотарь въезжает во двор. Пока он вычерпывает содержимое уборной, мы вдоволь играем с лошадкой. Даже забираемся на телегу и садимся на ящик с подстилкой у бочки. Почему китаец сидит не на ней, а на бочке – непонятно, ведь сиденье мягкое и удобное...

– Тли лубли, – говорит китаец, закончив свое дело, и бочка катится дальше.

И в очередные ворота стучится китаец, и в очередной двор въезжает маленькая лохматая лошадка.

Наш фокус с пятакон китаецу знаком, он видит монету и посмеивается:

– Уси длать, длать надо, – посмеивается незлобиво, глядя на нас, всех одинаковых, что мальчишек, что девчонок в черных сатиновых шароварах, в сандалиях на босу ногу, чумазных и шкодливых...

Летние дожди

Дачный поселок. Дорога – обычная грунтовка со своими выбоинами и пробитой глубокой колеей. В жаркое время она покрыта толстым слоем пыли, а в дождь превращается в жидкое глинистое месиво, скользкое, но такое заманчивое.

Ждём дождя – хорошего летнего ливня, когда дорога превращается в цепочку больших и малых луж. И мы с визгом носимся по ним босиком, разбрызгивая вокруг себя уже не воду, а жидкую грязь. Чумазные – с ног до головы.

А потом к озеру, с разбегу в воду на детской купальне. Озеро густо заросло камышом. Заросли его тянутся метра на три от берега. Взрослые купаются со специальных купален, уходящих за камыши. Туда ведут мостки, заканчивающиеся домиком без крыши, а к воде спускается деревянная лесенка.

Нам выделено отдельное место для купания – небольшой плавной уходящий в глубину участок, покрытый песком и без зарослей.

Вот сюда мы и несёмся. Домой нам, похожим на чертенят, появляться нельзя. Кого и выпороть могут, кого на улицу несколько дней пускать не будут. Прямо в одежде – в воду. Ведь чистыми остаются только сандалии, которые были сброшены еще возле луж. Плещемся, смываем глину, которая сплывает с нас, и вода вокруг становится мутно-бурой, как крепкий чай с молоком...

Налётчики

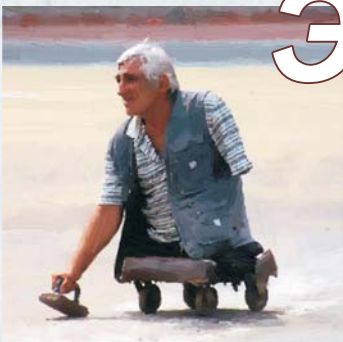
Ближе к осени начинаются наши налёты на огороды. Они у дачников совсем маленькие, расположенные по берегу озера. Один участок переходит в другой. Ни тебе заборчиков между ними, ни забора у самих огородов. Три жердины и всё... Нет, мы не опустошаем огороды, ведь все они наши. Мы выбираем сладкий горох, который садят взрослые для нас, жуём листья щавеля, молодой лук, посаженный на перо, мелкую ещё морковь, стирая с неё землю об одежду. А ещё пасёмся возле деда Меркела. Он всегда на огороде, и иногда нам перепадает от его щедрот то несколько пузатых огурчиков, то розовато-белый сочный турнепс, то сладкая репка.

А вот для дачников Беленьких мы саранча. Их дача за высоким забором. Выбираем время, когда хозяев нет на даче, и уж если добираемся туда, то ягод на кустах не остаётся. Поймать нас не удаётся. Беленькие возмущенно кричат в два голоса на наших родителей:

– Развели шпану, ворюг, а ещё ответработники.

Беленький, маленький щуплый скрипач театра, кричит тонким противным фальцетом. Супруга его, здоровая толстая тётка, почти басит, щедро пересыпая свою речь матом. Они грозят всадить в зад соли, каждому, кого уловят на своем участке. Но не пойман – не вор. И если мы знаем, что ещё осталась ягода на их кустарниках, то никакие угрозы нас не удержат, и мы опять побываем за большим забором.

Мотя

Это вчера день был морозным, но ярким и радостным. С утра жухлая осенняя трава на газонах, перила лестниц, даже ступеньки и цементный бордюр казались серебряными. Изморозь лежала на всём ковром из тонких игл, которые в лучах восходящего солнца сверкали и смотрелись, как дорогие бриллианты. А теперь шёл мелкий холодный дождь, который даже дождём-то назвать было сложно. Это была водная пыль, висевшая в воздухе, она липла к одежде, оседала на лица и руки. Было ясно, что за ночь всё покроется ледяной корочкой. Пасмурно, холодно и противно.

Они выходили из подъездов, бродили, заходили снова во чрево большого многоквартирного дома. То их появлялось двое-трое, то уже целая ватага разновозрастных пацанов. Если бы день был, как вчера, тёплым и солнечным, они бы сидели на теплотрассе, лениво играя в очко, куря, сквернословя, задирая проходящих

НОВЕЛЛЫ-ЗАРИСОВКИ

девчонок и пробегающих собак. Сегодня заняться было нечем, и они переходили от одного своего прибежища к другому. Долго в одном подъезде пробыть не удавалось, обязательно кто-нибудь из жильцов прогонял их. Они отругивались, хамили, но переходили в следующий. По кругу из одного в другой по всем двенадцати подъездам огромного, ничем не выделяющегося дома. Разве только тем, что подъездов в нём больше, чем в рядом стоящих, да ещё часть двора захламлена коробками, ящиками и другим мусором большого универсального магазина, располагающегося на первом этаже.

В хорошую погоду у подъездов собирались пьяницы всех мастей. От уже совершенно спившихся мужчин и женщин, толкающихся во дворе весь день, до случайных выпивох, решивших опохмелиться или сообразить на троих. Последние, приняв по маленькой, быстро рассасывались, сменялись новыми, и так до позднего вечера.

К вечеру пацаны вывалились из подъезда. Группа ребят постарше молча двинулась в сторону универсама. Младшие сбились в кучку и пристроились на теплотрассе, втягивая головы поглубже в плечи, ежась, покуривая и что-то обсуждая. Ждали когда пойдут по кругу бутылки с вином и пивом.

Смеркалось быстро. Вот уже на улице зажглись фонари, разливая то голубоватый, то розоватый свет в зависимости от того, какие лампы были установлены. Машины, въезжающие во двор, фарами на мгновение выхватывали группу мальчишек и, шурша по мокрому грязному асфальту, приклеивались ближе к подъездам. Хлопали дверцы, жильцы поднимались в свои квартиры.

Рабочий люд уже перебрался под кров родных крыш, наслаждаясь теплом и уютом, и только редкие прохожие проходили по двору. Рабочие универсама погрузили тару в подъехавший самосвал и то ли ушли по домам, то ли скрылись в помещении. Даже бродячие псы и те исчезли, покинув десяток мусорных баков, стоящих в самом центре двора.

Теперь все, кто проходил через двор, слышали шумный разговор подростков, брань, смех, какие-то неясные крики. Они старались держаться подальше от этой ватаги на теплотрассе. Издали она напоминала массу, колышающуюся, передвигающуюся практически на одном месте. Слышались глухие удары, сопение, маты, вскрики. Прохожие спешили, опасаясь в этот тёмный холодный вечер толпы молодёжи, подогретой содержимым винного отдела.

Уже ближе к ночи бабка, которая прогуливала маленькую беленькую болонку, приостановилась на первом этаже, прислушиваясь к слабому поскуливанию, доносившемуся из технического этажа.

– Сонька, вот слушай, нравоучительно выговаривала бабка своей бессловесной собеседнице, – досталось бедолаге, ишь, как скулит жалобно. Недаром я тебе, паскуде, говорю, не убегай, енти кобелюки враз тебя схавают. Тот, что милиционерши, так и проглотит тебя, не поглядит, что, сучонка, што ему с тебя больше взять.

Бабка перехватила свою мокрую кудрявую ношу, покорно сидящую на руках, и, охая и ещё что-то приговаривая, поднялась по лестнице.

Мотя лежал на груди старого тряпья и тихо постанывал. Даже не стон, а тихое поскуливание слышалось изредка из вороха старых грязных пальто, одеял, чего-то, что когда-то было простынею, платьем и что можно было использовать как подстилку, чтобы было мягче и теплее в дальнем темном углу техэтажа.

Он обитал здесь последние полгода, перебрался сразу, как только сошёл снег, и подъезд немного отогрелся. Здесь было по-своему сытно и спокойно. И лето он прожил, не жалея, что покинул старый барак, где за уродство он был козлом отпущения во время любой попойки – на свадьбах, днях рождения, на похоронах и поминках, выпивках по случаю и просто так. Его постоянно бил старший брат, считавший обузой в хмельной, несладкой жизни старого полуразрушенного барака. А здесь было хорошо. Даже подработать в овощном отделе тётки давали на переборке грязного мокрого картофеля, капусты, моркови. За это кормили, а иногда даже подносили чарку.

Опасался он только пацанов. Но летом они как-то не особо обращали на него внимания, хотя сначала и показывали пальцами, и улюлюкали, но это быстро приелось им и они привыкли к его постоянному присутствию.

А сейчас Мотя знал, что до утра ему не дожиться, что и выползти из угла уже нет сил. Он надсадно кашлял и сплевывал сгустки крови. Руки не могли держать чурбачки с ручками, при помощи которых он двигался. Пальцы распухли, и по виду напоминали толстые подпорченные сардельки, которые время от времени ему перепали в гастрономическом отделе. Не было рядом и тележки, на которой он передвигал своё коротенькое щуплое тельце.

Как оказался в своем логовище он не помнил. Но зато хорошо помнил, как остервенело, с особой жестокостью его били пацаны. За что – он не знал. Да и была ли нужна им причина, когда в холодный осенний вечер просто нечем было заняться?

Маленький обезображенный его труп нашли сантехники в середине зимы, когда провало под домом трубы канализации. Он лежал комочком среди тряпья, вмёрзнув в лед подтекающих трубопроводов. Вырубали изо льда кайлом и ломом. Так и вывозили в кусках льда. Участковый и оперативники долго ходили и опрашивали жителей микрорайона, кто и что видел, слышал. Только сердобольные тетки в овощном отделе рассказывали о калеке без ног, что помогал перебирать гнильё, и которого звали Мотя. Просто Мотя, ни фамилии, ни отчества, ни возраста.

– Да мужик уже был. Не в годах, но мужик, – говорили они. А кто-то при этом, горестно вздохнув, говорил тихо, отлучился, мол, сердешный.

Пацаны месяц перешептывались, опасливо разбегаясь по подъездам и редко теперь собираясь большой ватагой. Каждый вспоминал, как били, но никто не мог вспомнить за что.

Похоронили Мотю в безымянной могилке с номером на деревянной дощечке, воткнутой в мёрзлый грунт.

Берёза

Н

а этом сохранившемся незастроенным, незанятым домами, дорогами и коммуникациями пятачке когда-то шумела берёзовая роща, даже грибы к осени можно было собирать. Может «собирать» и громко сказано, но с десятков обабков или пару волнушек отыскать можно было.

Посёлок рос. Построили сначала один, потом второй каменные пятиэтажные дома, отступив от старых деревянных ближе к лесной полосе. И как водится, подъезды к домам тоже были необходимы. Дорогу проложили по взгорку, обходя рощу. Всё же зелень в центре поселка – воздух чище, и уже не сравнить с пыльным городом. Красота! Корпуса среди соснового бора, деревянные однотипные домики среди берёзовых колков.

Дорога оказалась коварной и не хотела соседствовать с берёзами. Промёрзнув за суровую зиму глубже и основательней, чем вся окружающая территория, она прочно перегородила своим ледяным подножьем пути весенним водам. Снега дружно растаяли, но не сбежали подземными стоками как прежде, а собрались в мягкой подстилке из прошлогодних перепревших берёзовых листьев.

Лето согнало поверхностную влагу, но ненадолго. Пошли затяжные дожди, и рощица превратилась в небольшое озерцо, заросшее старыми кудрявыми берёзами. К осени уже было не до грибов – грибы в болоте не растут. Прелая листва в воде густо покрылась тиной, издавая гниlostный запах.

В зиму берёзы не успели скинуть листву. Может, сил не хватило, может, тепла от преющего болотца было много. Не почувствовали, что зима уж усыпляла всё вокруг до будущей весны.

НОВЕЛЛЫ-ЗАРИСОВКИ

Весной почки на берёзах раскрывались поздно и недружно. Некоторые берёзы остались с прошлогодними, ржавыми листьями, без проблесков весенней зелени. Те, что всё же зазеленели, стояли в непросыхающем теперь болотце. Оно, утвердившись в своей мощи, ширилось, буйно цвело тинной и ряской, выкидывая стрелы камыша, семена которого с соседнего озера принес ветер.

Летом бедность листвы берёз скрадывалась буйно разросшимся камышом и зелёным ковром ряски. Летнее солнце, не жалея сил, жарило поверхность исходящего испарениями болотца, и к осени появились бурые пятна тины, плотно обмотавшей белые стволы.

Камыши выколосились, пожелтели, развесив свои метёлки. Теперь старые чахлые берёзы проглядывали редкой золотой листвой из зарослей жёлтого камыша.

Зима опять была суровой, а весна – затяжной. Пал, пущенный по прошлогодней траве, вскинулся на камыши, жарким пламенем занялись и сухие берёзы. Летом большая часть их привалилась, попадала в болото. И только берестовые остовы, с чёрными, голыми, обломанными ветками, напоминали, что здесь всего два года назад весело шумела роща.

Еще несколько лет и даже остовов некогда росших берёз не стало видно, камыш поглотил их, скрыв следы человеческой бездумности.

А старая берёза, оставаясь на самом краю болотца, все еще зеленела, пусть не всеми раскидистыми ветвями, оставаясь памятью и памятником исчезнувшей рощи.

Рядом пролежала теплотрасса, представляющая собой длинный деревянный короб. Берёза примыкала к нему, прилегала, а может, и отогревалась возле него в стылую пору. Постепенно, одна за другой, отмирали ветви, но она упрямо каждую весну распускала клейкие листочки, вывешивала сережки, рассыпая по первому снегу семена.

Когда построили магазин, и возникла необходимость подвести к нему газ от ближайшей распределительной колонки, старая берёза оказалась в самом створе. Ну, что такое берёза по сравнению с газопроводом?! Берёзу спилили, а оставшийся пень ловко использовали как крепёжный столбик при прокладке.

Теперь выкрашенная зеленой краской труба покоилась на пеньке, ещё одетом в белую бересту.

Газ тёк по трубе, магазин испускал пары и запахи, исходившие от шашлычной, что была его частью. Болотце не то что бы расширялось, а матерело, становясь глубже, и уже подумывало, не стать ли ему небольшим эрозийным озерцом. Весной даже чайки с соседних болот и озёр залетали и кружились в поисках лягушат. Даже петушки – длинноногие кулички – стали облюбовывать болотце, не страшась соседства с человеком и собаками.

Остался лишь берёзовый пень. Но он решил не сдаваться и весной выкинул многочисленные побеги. Не обычные берёзовые веточки с распускающимися пахучими почками, а травянистые мощные побеги с крупными листьями, мягкими, припушёнными, такими, что сразу и не скажешь, что это растёт будущая берёза. За лето побеги поднялись над трубой, лежащей на пне. Из мягких и зелёных они превратились в задеревеневшие, с глянцево-тёмной корой. Осенью молодые деревца кольцом окружили старый пень.

